

СОБЫТІЯ ВЪ УФѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПУГАЧЕВСКИМЪ БУНТОМЪ.

Въ 1772 году 1 Октября Уфу осадили сподвижники и сообщники Пугачева, Чика и Губановъ. Первый титуловалъ себя не иначе, какъ графомъ Чернышевымъ, а второй (по происхожденію купеческій сынъ) называлъ себя полковникомъ „его величества“.

Не задолго до этой кровопролитной осады, именно въ Мартѣ 1771 г., въ Уфѣ случилось загадочное явленіе. Въ мѣстномъ Смоленскомъ соборѣ (теперешній Троицкій) сталъ по временамъ слышаться особенный звонъ въ его сводахъ. Странный гулъ начинался изъ холоднаго собора, проходилъ по сводамъ къ Никольскому придѣлу и здѣсь затихалъ. Сильнѣе всего звонъ раздавался во время утрени, именно при чтеніи шестопсалмія. Иногда онъ былъ такъ громокъ, что заглушалъ собою чтеніе, и оно въ такихъ случаяхъ на время пріостанавливалось. Это явленіе не было чьею-нибудь выдумкою. Свидѣтелями его были, прежде всего, весь городъ, потомъ самъ воевода Уфимскій Алексѣй Никифоровичъ Борисовъ и протопопъ соборный Невѣровъ. Равнымъ образомъ этотъ глухой, но въ тоже время густой, гулъ началъ приводить въ невольный страхъ ночныхъ часовыхъ, а также все окружающее соборъ населеніе, которое, пробуждаясь отъ звона и приходя въ смятеніе, прибѣгало ко всевозможнымъ предположеніямъ и суевѣрнымъ объясненіямъ. „Во избѣжаніе дальнѣйшихъ кривотолковъ и для устраненія повода къ унынію“ вышепоименованные воевода Уфимскій и протопопъ соборный сочли необходимымъ донести каждый по своему начальству о необыкновенномъ явленіи, которому они сами были свидѣтелями-очевидцами. По донесеніи протопопа Невѣрова Вятскій епископъ снесся съ Оренбургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ Рейндсорфомъ, который прислалъ въ Уфу военныхъ инженеровъ для возможно-тщательнаго обслѣдованія собора и подробнаго обо всемъ ему донесенія. Инженеры, послѣ продолжительнаго наблюденія за звономъ и изслѣдованія сводовъ храма, пришли къ тому предположенію, что звонъ происходилъ отъ желѣзнаго креста, подъ которымъ были положены желѣзныя связи; крестъ былъ укрѣпленъ слабо, или отъ вѣтра распатался и, упираясь нижнимъ концомъ въ связи, производилъ шумъ, подобный глухому звону. Послѣ того крестъ укрѣпили. Но, не смотря на весьма правдоподобное объясненіе загадочнаго явле-

нія, звонъ слышался, и потомъ, впродѣ до 1 Октября, т. е. до того памятнаго дня, когда полки Чики, Зарубина и Губанова появились подъ Уфою и стали лагеремъ въ виду города, у деревни Чесноковки (Теперь это довольно бойкое село, видное съ горнаго Уфимскаго берега, ведетъ оживленную торговлю огородными овощами).

Съ появленіемъ мятежниковъ напуганному воображенію Уфимскихъ жителей найденъ былъ исходъ—и звонъ прекратился.

На ряду съ описаннымъ явленіемъ въ Уфѣ наблюдалось другое. Какъ и теперь, такъ и въ то время на колокольнѣ монастыря къ кресту было прикрѣплено металлическое изображеніе ангела, которое по волѣ вѣтра обращается въ разныя стороны. Теперь это женскій, очень богатый монастырь, всѣ строенія въ немъ просторныя, а тогда былъ здѣсь мужской монастырь съ убогой деревянной церковью. Въ 1772 г. монастырскій ангелъ остановился въ одномъ положеніи, обратившись лицомъ въ ту сторону, откуда должна была придти бѣда, именно онъ обратился къ деревнѣ Чесноковкѣ, которая вскорѣ и сдѣлалась станомъ Пугачевскихъ полчищъ. Не смотря ни на какіе вѣтры и осеннія бури, ангелъ продолжалъ держать свой ликъ по направленію непріязненнаго стана до тѣхъ поръ, пока правительственныя войска не разбили мятежниковъ и не вступили въ осажденный городъ. Съ тѣхъ поръ и по сіе время ангелъ свободно обращается во всѣ стороны свѣта и служитъ для простаго народа показателемъ благополучія города.

Послѣ пережитыхъ ужасовъ осады, жители Уфы были свидѣтелями и очевидцами печальной судьбы Чики и Губанова. Разбитые подъ Уфою правительственными войсками, они были захвачены и отвезены сначала въ Москву, гдѣ 5 Января 1775 г. ихъ вывели на площадь во время казни Пугачева. Отсюда ихъ тогда же на ямскихъ подводахъ, за крѣпкимъ конвоемъ, отправили къ мѣсту ихъ подвиговъ—въ Уфу и заключили въ застѣнокъ, который находится въ колокольнѣ стараго (въ то время Смоленскаго) Троицкаго собора. Колокольня эта и теперь почти въ томъ же видѣ. Въ 1772 г., какъ разъ предъ началомъ Пугачевщины въ Уфѣ, она пошатнулась и по настоянію воеводы Борисова была въ верхней части разобрана. Нижній ярусъ остался нетронутымъ. Здѣсь съ давнихъ поръ, съ основанія Смоленскаго собора, т. е. основанія и самого города Уфы въ 1579 году, былъ устроенъ застѣнокъ или потайная (въ народѣ—пытанная). Тутъ производились пытки надъ преступниками. Орудіями пытокъ въ этомъ застѣнкѣ были: утка, Хивинскій поясъ и кнутъ. Утка это—деревянные тиски, въ которыя сжимали голову преступника, а Хивинскій поясъ—широкая веревочная лента съ иглами, каковой лентою и обертывали тѣло пытаемаго.

Вотъ въ этотъ-то застѣнокъ въ колокольнѣ Смоленскаго собора и были посажены привезенные изъ Москвы Чика и Губановъ. Здѣсь они томились до 16 Февраля 1775 г. Въ этотъ день, окруженные солдатами и драгунами, одѣтые въ саваны, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ сопровожденіи одного

изъ соборныхъ священниковъ, они были выведены на казнь. На высокомъ берегу рѣки Бѣлой, въ срединѣ тогдашней Уфы (теперь Старая Уфа), въ виду собора былъ устроенъ эшафотъ, который обложили соломой и хворостомъ. Чика, какъ Татаринъ, сначала былъ повѣшенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ неоднократно дѣлалъ приступы къ Уфѣ, а Губановъ, какъ купеческій сынъ, обезглавленъ на торговой площади. На плахѣ Губановъ сказалъ, что его семья невинна въ его дѣлѣ и совершенно не причастна въ его побѣгѣ къ Пугачеву и что если бы не его семья, которая нечаянно осталась въ Уфѣ, особенно малолѣтки дѣти, которыхъ онъ любилъ, городъ былъ бы обращенъ въ пепель, а всѣ жители были бы истреблены.

Палачи, обезглавивъ преступниковъ, разнесли ихъ головы, руки, ноги по колямъ, а трупы сожгли вмѣстѣ съ эшафотъ и прахъ развѣяли по вѣтру.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій, когда взволнованный Башкирскій край понемногу сталъ успокоиваться, въ Ноябрь 1775 г., въ Уфу по высочайшему повелѣнiю прибылъ извѣстный уже тогда Александръ Васильевичъ Суворовъ. Въ то время въ Уфѣ былъ расквартированъ драгунскій полкъ, оставшійся здѣсь для окончательнаго замиренiя Башкирскаго края. Квартира генераль-майору Суворову была отведена въ домѣ одного заводчика Ивана Евдокимова Демидова. Полкъ былъ размѣщенъ по высокому берегу р. Бѣлой, гдѣ теперь такъ называемая Набережная улица. Здѣсь были устроены и конюшни для лошадей. Неподалеку былъ перевозъ, какъ и теперь, и единственный подъѣздъ съ рѣки къ горному берегу.

Начальство приготовило Суворову торжественную встрѣчу. Для того воевода и комендантъ отправились далеко за городъ; а этотъ высокiй посѣтитель остался и здѣсь вѣрять себѣ. Онъ сказался адъютантомъ Суворова и въ простой рогожной кибиткѣ проѣхалъ мимо пышной встрѣчи въ городъ, прямо на отведенную генералу квартиру. Начальство долго поджидало Суворова. Наконецъ завидѣли его экипажъ. Во всей формѣ, съ немалымъ страхомъ, приблизились они къ повозкѣ и стали рапортовать о городѣ сидящему въ ней. Каково же было изумленiе начальствующихъ, когда сидящiй, выслушавъ ихъ, спокойно сказалъ, что они рапортуютъ не Суворову, а его деньщику, что самъ Суворовъ давно уѣхалъ съ послѣдней станицы и теперь долженъ быть уже въ Уфѣ. И пришлось Суворову у себя встрѣчать начальство Уфы.

Суворовъ въ Уфѣ прожилъ пять дней. Однажды онъ вздумалъ лично провѣрить состоянiе конюшенъ драгунскаго полка. Объ этомъ никто не зналъ, кромѣ часового, которому Суворовъ строго запретилъ говорить кому-нибудь изъ начальства или солдатъ. Осмотрѣвъ все, что было нужно, онъ на слѣдующiй же день сдѣлалъ выговоръ полковому командиру и офицерамъ за непорядокъ въ конюшняхъ, за то, что такiя-то и такiя-то лошади всю ночь были безъ корма и т. п. Командиръ и офицеры, услышавъ такiя подробности, сразу догадались, что генералъ самъ былъ въ конюшняхъ и все видѣлъ, почему и не посмѣли оправдываться.

Нѣкоторое время спустя, жители Уфы были свидѣтелями новаго загадочнаго явленія, имѣвшаго связь съ тѣмъ же бѣдствіемъ, т. е. съ Пугачевскимъ бунтомъ. При городничемъ, надворномъ совѣтникѣ Павловѣ, вышло высочайшее повелѣніе о сформированіи въ Уфѣ особаго мушкатерскаго полка. Во время формированія этого полка офицеры, солдаты и многіе изъ гражданъ города стали поговаривать, что въ ночное время въ Смоленскомъ соборѣ сталъ показываться особый свѣтъ, не похожій на огонь отъ зажженныхъ свѣчъ, происходящій какъ бы отъ постоянной молніи. Скоро по городу стали ходить преувеличенные слухи, взволновавшіе общество, почему рѣшено было донести о необыкновенномъ явленіи по начальству. Разслѣдованіе пришло къ такому заключенію. Въ старину въ соборѣ было похоронено много знатныхъ людей. Черезъ сто лѣтъ къ собору былъ пристроенъ теплый пристрой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше было кладбище и гдѣ, между прочимъ, погребены были и павшіе во время осады Уфы. Видимый во храмѣ огонь и былъ ничто иное, какъ фосфорическія испаренія, исходившія отъ труповъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснило слѣдствіе. Черезъ нѣсколько времени свѣтъ сталъ показываться рѣже, съ меньшей силой, а потомъ и совсѣмъ прекратился. Но и послѣ этого у жителей осталось, сомнѣніе въ естественномъ происхожденіи явленія, и многіе склонны были приписывать его сверхъестественной силѣ, знаменующей какое-нибудь событіе въ будущемъ.

Въ связи съ вышеизложенными событіями и явленіями нельзя не упомянуть еще одного важнаго для Уфы событія. Это—уничтоженіе страшнаго Уфимскаго застѣнка, бывшаго при Смоленскомъ соборѣ, въ которомъ производились пытки и въ которомъ, какъ извѣстно, томились передъ своею казнью сподвижники Пугачева Чика и Губановъ. Уничтоженіе застѣнка совпало съ радостнымъ событіемъ, именно, съ посѣщеніемъ Уфы императоромъ Александромъ Благословеннымъ. При своемъ вступленіи на престолъ новый государь между другими благодѣяніями для народа издалъ повелѣніе объ окончательномъ уничтоженіи въ Россіи пытокъ. Пытки были запрещены еще при Екатеринѣ Великой, но зло было такъ сильно, пустило такіе глубокіе корни, что новый государь вынужденъ былъ обнародовать свое повелѣніе объ отбѣнѣ пытокъ, причѣмъ выразилъ желаніе, чтобы „и самое слово *пытка* изгладилось изъ памяти народной“.

Въ 1824 г. 1 Сентября въ 7 часовъ вечера, Уфа встрѣчала Благословеннаго. Государь съ перевоза изволилъ отправиться сначала во временную квартиру, въ домъ станичнаго атамана Данилы Петровина, для перемѣны дорожной одежды. Переодѣвшись Государь прослѣдовалъ въ соборъ, гдѣ на паперти его встрѣтило духовенство во главѣ съ преосвящ. Амвросіемъ. (Это былъ уже четвертый епископъ со времени открытія въ Уфѣ епископской каедры). Государь приложился къ кресту и, выслушавъ рѣчь преосвященнаго, вошелъ въ соборъ. Здѣсь ему, между прочимъ, объяснили о перестройкѣ Смоленскаго собора, именно: прежній теплый соборъ весь былъ сломанъ, а также трапеза холоднаго и на мѣсто ихъ устроено крестообразное расположеніе собора, каковое онъ имѣеть

и въ настоящее время. Когда Государю объяснили эту поправку, онъ нѣкоторое время оставался задумчивъ, а потомъ изволилъ сказать: „Слѣдовало бы старинною дорожить“. Выслушавъ многолѣтне, Государь отправился въ квартиру, въ домъ гражданскаго губернатора Григорія Васильевича Нелидова, гдѣ на другой день въ 9 час. утра изволилъ принимать военныхъ и гражданскихъ чиновъ, купцовъ съ хлѣбомъ-солью и дворянъ Оренбургской губерніи. Затѣмъ Государь былъ на разводѣ Уфимскаго внутренняго баталіона, посѣтилъ городскую больницу, заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія и тюремный замокъ. Къ обѣду Его Величества былъ приглашенъ военный ген.-губернаторъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ, гражданскій губернаторъ д. ст. с. Григорій Васил. Нелидовъ, преосвященный Амвросій, вице-губернаторъ, губернский предводитель дворянства Мординовъ и др. Въ 10 час. вечера Его Величество изволилъ быть на дворянскомъ балѣ въ домѣ, гдѣ потомъ была губернская гимназія.

18 Сентября въ 6 час. утра Государь присутствовалъ на закладкѣ церкви во имя Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, предположенной къ построению на средства дворянъ въ ознаменованіе высочайшаго посѣщенія. Государь самъ положилъ первый камень, нарочно для него изготовленный съ вырѣзанною надписью: годъ, мѣсяць, число причина закладки и имя Государя.

Прямо съ закладки Государь отправился на Вавиловскій перевозъ черезъ р. Бѣлую и далѣе по направленію въ гор. Бирскъ, а всѣ бывшіе при закладкѣ собрались въ достопамятномъ Смоленскомъ соборѣ, гдѣ и принесли Господу Богу благодарственное моленіе о высочайшемъ посѣщеніи.

Печальной памяти застѣнокъ, уничтоженный въ связи съ посѣщеніемъ Уфы Александромъ Благословеннымъ, сначала нѣкоторое время былъ заброшенъ. Затѣмъ его обратили въ теплое помѣщеніе для сторожей, а въ кладовой этого застѣнка въ 1861 г. преосвященный Филаретъ устроилъ первую въ Уфѣ воскресную школу, такъ-какъ тогда было увлеченіе этого рода школами. Школа эта, какъ и вообще воскресныя школы въ то время, просуществовала недолго. Какъ скоро она возникла, также скоро и закрылась. При церквахъ стали постепенно возникать постоянныя училища на мѣстныхъ церковныя средства, и бывшій страшный застѣнокъ, мѣсто пытокъ и мученій, превратился въ учрежденіе просвѣтительное.

*

